

Попов Дмитрий Константинович

**ДИПЛОМАТИЧЕСКИЕ ПРАКТИКИ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА
В ОТНОШЕНИЯХ С КОЧЕВЫМИ НАРОДАМИ
СЕВЕРА ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В XVII – НАЧАЛЕ XVIII В.:
ПОСОЛЬСТВА, ДАРООБМЕН, ЦЕРЕМОНИАЛ**

Специальность 5.6.1. – Отечественная история

А В Т О Р Е Ф Е Р А Т
диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Новосибирск
2026

Работа выполнена
на кафедре отечественной истории Гуманитарного института
Федерального государственного автономного образовательного учреждения
высшего образования «Новосибирский национальный исследовательский
государственный университет»

Научный руководитель:

доктор исторических наук, профессор
Андрей Сергеевич Зуев

Официальные оппоненты:

Почекаев Роман Юлианович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории права и государства, Санкт-Петербургский филиал Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»;

Моисеев Максим Владимирович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра истории русского феодализма, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт российской истории Российской академии наук.

Ведущая организация:

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук.

Защита состоится 3 декабря 2026 г. в 15 часов 00 минут на заседании диссертационного совета 24.1.067.02, созданного при Федеральном государственном бюджетном учреждении науки Институте истории Сибирского отделения Российской академии наук (ИИ СО РАН) по адресу: 630090, Новосибирск, ул. Николаева, 8, каб. 300.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Института истории СО РАН и на сайте Института истории СО РАН (<http://iisoran.ru/>).

Автореферат разослан «___» _____ 2026 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат исторических наук

О. Н. Полянская

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Современная международная ситуация не только активизировала центральноазиатское направление внешнеполитической деятельности России, но и потребовала обращения к историческому опыту взаимодействия российской власти с государствами Центральной Азии в разные хронологические периоды для выработки современных дипломатических практик и стратегий, направленных на выстраивание корректного, конструктивного и перспективного межгосударственного диалога.

Россия исторически всегда имела широкий спектр дипломатических партнеров среди государств Центрально-Азиатского региона. Взаимодействие начало складываться еще в середине XVI в. и осуществлялось преимущественно с оседлым населением. В последующее время, в XVII – начале XVIII в., российской властью были установлены дипломатические отношения с кочевыми народами, обитавшими на севере Центральной Азии, в частности с тюркоязычными енисейскими киргизами, алтайскими телеутами, орчаками (тувинцами), а также с монголоязычными ойратами, хотогойтами, халхасцами. Коммуникация с номадами имела свою специфику. Исследование взаимоотношений Российского государства с центральноазиатскими кочевниками позволяет рассмотреть существенные элементы российской дипломатической культуры, определить базовые параметры самопрезентации российского монарха в диалоге с кочевыми правителями-контрагентами, а также расширяет представление о коммуникативных процессах, происходивших между сторонами. Этим определяется научное и общественно-политическое значение избранной темы.

Историографический обзор. Историки еще в середине XVIII в. впервые обратились к различным аспектам взаимоотношений российской власти с кочевыми народами севера Центральной Азии. К настоящему времени в исторической науке имеется значительное количество публикаций, авторы которых с различной степенью детализации и концептуализации проанализировали коммуникацию между российским монархом и правителями центральноазиатских номадов в XVII – начале XVIII в.

В российской исторической науке имперского периода дипломатические отношения Российского государства с кочевыми народами севера Центральной Азии если и становились предметом исследования, то, как правило, либо в контексте присоединения Сибири и подчинения российской власти обитавших там народов (Г. Ф. Миллер, И. Э. Фишер, В. К. Андриевич, П. А. Словцов), либо в контексте истории конкретного этноса (А. И. Левшин). Специальные публикации, посвященные дипломатической деятельности России на азиатском направлении, в основном охватывали взаимодействие российской власти не столько с номадами, сколько с китайцами и маньчжурами (Ю. В. Арсеньев, Н. Н. Бантыш-Каменский, Ф. И. Покровский).

Особо следует выделить Н. Я. Бичурина (о. Иакинфа), посвятившего взаимодействию России с центральноазиатскими номадами разделы своей моно-

графии. Автор выдвинул и обосновал на конкретном эмпирическом материале тезис о ведущей роли дарообмена в развитии коммуникации между сторонами¹.

Отметим также статью Н. Н. Оглоблина, в которой автор поставил вопрос о вкладе сибирских служилых людей в развитие дипломатических отношений с монголоязычными кочевниками в XVII в. На основе анализа архивных дел Сибирского приказа исследователь пришел к выводу, что «сибирские дипломаты» имели представление о дипломатических церемониалах Российского государства того времени².

В советской период истории в своих монографиях, статьях и тезисах проанализировали взаимодействие России с кочевниками в XVII–XVIII вв., указав на различные методы и попытки подчинения жителей степи власти российского монарха. К вопросам коммуникации, в том числе и дипломатической, российской власти с тюрко- и / или монголоязычными кочевниками севера Центральной Азии обращались А. Абдыкалыков, В. А. Александров, С. В. Бахрушин, Б. П. Гуревич, К. Г. Копкоев, Е. М. Залкинд, А. П. Уманский, Ш. Б. Чимитдоржиев, П. Т. Яковлева и др.

Отметим, что в советский период истории ввели в научный оборот значительное количество архивных документов и подробно проанализировали переговорный процесс. Многочисленность научно-исследовательской литературы позволяет утверждать о выделении тематики отношений Российского государства с номадами севера Центральной Азии в отдельное исследовательское направление, хотя при этом собственно элементам российской дипломатической культуры XVII в. должного внимания не уделялось.

Из советских исследователей следует особо выделить Н. П. Шастину, в монографии которой представлено развитие русско-монгольских отношений в XVII в. Автор провела обстоятельный анализ взаимодействия сторон, ввела в научный оборот значительное количество архивных источников, а также обратила внимание на некоторые церемониальные аспекты, не давая, однако, им никакой интерпретации³.

Более обстоятельную попытку анализа дипломатических практик предпринял Н. С. Модоров, который рассмотрел русско-телеутские отношения в XVII в.⁴ Он сравнил русские посольства к телеутам с русскими посольствами в европейские государства, а также попытался реконструировать последовательность компонентов дипломатического церемониала. Проанализировав русско-телеутские отношения, Н. С. Модоров в своей монографии, изданной, правда, уже в постсоветское время, заключил, что «добиваясь приведения алтайских прави-

¹ Бичурин Н. Я. (Иакинф) Историческое обозрение Ойратов или Калмыков с XV столетия до настоящего времени. Сочинено монахом Иакинфом. СПб., 1834. С. 30–59.

² Оглоблин Н. Н. Сибирские дипломаты XVII века (Посольские «статейные списки») // Исторический вестник. 1891. Т. 46, № 10. С. 156–171.

³ Шастина Н. П. Русско-монгольские посольские отношения XVII века. М., 1958.

⁴ Модоров Н. С. Из истории русско-алтайских посольских связей в 40–90 годах XVII века // Ученые записки Горно-Алтайского научно-исследовательского института истории, языка и литературы. Вып. 8. Барнаул, 1969. С. 63–69; Модоров Н. С. Из истории официальных отношений сибирских воевод в XVII веке с алтайскими князьями // Ученые записки Горно-Алтайского научно-исследовательского института истории, языка и литературы. Вып. 9. Барнаул, 1970. С. 94–100.

телей в зависимость от русского престола, послы между тем следили за неукоснительным соблюдением первыми правил посольского этикета, нарушение которого настораживало местные власти и служило своеобразным предупреждением о возможной опасности. В силу этого они и добивались соблюдения и выполнения представителями алтайской родоплеменной знати правил посольского церемониала»⁵.

Поверхностную оценку российским дипломатическим практикам дал Ш. Б. Чимитдоржиев, уделивший основное внимание политическому взаимодействию России с монголами в XVII в. Исследователь констатировал, что «в Русском государстве в то время существовали сложные правила приема и сопровождения иностранных послов...», которые, по его мнению, вызывали недоумение и жалобы со стороны джунгарских посланников⁶.

В постсоветской и современной историографии было продолжено изучение дипломатических отношений России с кочевниками севера Центральной Азии в XVII в. Так, В. А. Моисеев и Р. А. Кушнерик провели сопоставление дипломатических практик России и Цинского Китая⁷, а Р. А. Кушнерик в своей монографии провела анализ не только переговорного процесса между русскими и джунгарами в XVII–XVIII вв., но также обратила внимание и на элементы «дипломатического искусства» используемые обеими сторонами⁸.

Развитие и ход русско-хотогойтских дипломатических отношений, а также тематику переговоров в XVII в., проанализировала Л. Ш. Чимитдоржиева. Она отметила, что организаторами русских посольств были местные власти, которым Москвой были предоставлены широкие полномочия. Л. Ш. Чимитдоржиева указала на отличия в составе посольств, ездивших в западные государства, от тех миссий, которые направлялись к монголам-хотогойтам. Возглавляли такие миссии, по ее мнению, дети боярские. Л. Ш. Чимитдоржиева также отметила значительную роль дарообмена в развитии русско-хотогойтских отношений⁹.

В первой четверти XXI в. историография пополнилась рядом публикаций, которые посвящены отдельным аспектам взаимодействия российской власти с кочевым миром севера Центральной Азии в XVII – начале XVIII в., а именно: вопросам двоеданства (Б. О. Боронин, В. Г. Дацышен), процессу присоединения отдельных районов Евразии (С. Д. Тубчинов, Б. В. Базаров, А. Д. Гомбожапов, В. Я. Бутанаев, В. К. Чертыков и др.), роли отдельных лиц и социальных категорий в развитии российско-кочевнической коммуникации (Д. А. Ананьев,

⁵ Модоров Н. С. Россия и Горный Алтай: политические, социально-экономические и культурные отношения (XVII–XIX вв.). Горно-Алтайск, 1996. С. 80.

⁶ Чимитдоржиев Ш. Б. Взаимоотношения Монголии и России в XVII–XVIII вв. М., 1978. С. 111.

⁷ Кушнерик Р. А., Моисеев В. А. Дипломатия Китая и России в Центральной Азии: сходства и различие (XVII–XVIII вв.) // Проблемы истории государственного управления и местного самоуправления Сибири XVI–XXI вв.: мат-лы VI Всерос. науч. конф. Новосибирск, 2006. С. 323, 324.

⁸ Кушнерик Р. А. Русско-джунгарские дипломатические отношения (начало XVII – 50-е гг. XVIII в.): монография. Барнаул, 2008.

⁹ См., например: Чимитдоржиева Л. Ш. Русские посольства к монгольским Алтан-ханам XVII в. Улан-Удэ, 2006. С. 25–26, 56, 94–97.

И. П. Каменецкий), разрешению приграничных (локальных) споров и формированию границы (Д. А. Ананьев, Д. С. Бобров, В. Б. Бородаев, А. В. Контев), отдельным эпизодам российско-кочевнического взаимодействия (В. Д. Пузанов, А. Н. Милуков, В. Т. Тепкеев, А. В. Цюрюмов и др.), правовым традициям кочевых государств, которые зафиксированы в русских источниках (Р. Ю. Почекаев), выработке политико-правовых механизмов и практик российской власти при подчинении различных народов (А. С. Зуев, В. А. Слугина, В. В. Трепавлов).

Вопросы коммуникации Российского государства с кочевым населением севера Центральной Азии рассматривались и в зарубежной научной литературе (Дж. Ф. Баддели, Ф. В. Бергхольц, К. Ш. Хафизова и др.). При этом некоторые зарубежные исследователи фокусировали внимание на смысловом наполнении дипломатических практик России в отношении с кочевыми народами в XVII–XVIII вв. Так, М. Ходарковский провел анализ дипломатических практик, инструментов и технологий, используемых российской властью при взаимодействии с крымскими татарами, ногайцами, калмыками, казахами, и пришел к выводу о негибкости российской дипломатии¹⁰. Р. Вульпиус подробно рассмотрела инструменты, при помощи которых российская власть пыталась добиться подчинения азиатских народов, выделив среди них дарообменные технологии, связав их с концептом «государевой милости», который был сопряжен с политической культурой России¹¹. При помощи подарков, по мнению Р. Вульпиус, российская власть пыталась добиться лояльности элиты различных этносоциумов, в том числе кочевых¹².

Отметим, что в исторической науке в разное время вопросы и аспекты взаимодействия российской власти с кочевыми народами, в частности с ногайцами, башкирами, крымскими татарами, казахами, поволжскими калмыками подвергались детальному анализу (А. Л. Хорошкевич, В. В. Трепавлов, Р. Ю. Почекаев, М. В. Моисеев, О. Е. Гундова, А. Каппелер, Н. Ш. Коллманн, М. Ходарковский и др.). Уделяли внимание исследователи и дипломатическим практикам России в отношениях с европейскими и отдельными азиатскими государствами в XVI–XVII вв. (Н. И. Веселовский, В. И. Савва, Л. А. Юзефович, Д. В. Лисейцев, М. В. Моисеев, и др.).

В целом, рассмотрение научной литературы позволяет констатировать, что дипломатические практики Российского государства, используемые в отношениях с кочевниками севера Центральной Азии, анализировались фрагментарно и неравномерно и в большинстве случаев находились вне исследовательского ракурса. В историографии не предпринималась попытка комплексного анализа российских дипломатических практик, направленных на самопрезентацию

¹⁰ Ходарковский М. И встретились два мира: Россия и калмыцкие кочевники (1600–1771). Элиста, 2022. С. 88–92, 99–100; Ходарковский М. Степные рубежи России: как создавалась колониальная империя. 1500–1800. М., 2019. С. 70.

¹¹ Вульпиус Р. Рождение Российской империи. Концепции и практики политического господства в XVIII веке. М., 2023. С. 162, 176, 253, 588, 589.

¹² Там же. С. 591, 599–600, 606–607.

русского монарха, а также на отражение уровня восприятия кочевников как контрагентов. Так, в частности, вне исследовательского фокуса остались вопросы, связанные с тем, какой смысл вкладывала российская дипломатия в те или иные ритуалы, церемониалы или традиции, какую роль они играли и каким образом функционировали коммуникации российской власти с кочевниками севера Центральной Азии в XVII – начале XVIII в.

Цель исследования заключается в выявлении роли, смыслового наполнения и функционирования дипломатических практик Российского государства в отношениях с кочевыми народами, обитавшими на севере Центральной Азии в XVII – начале XVIII в.

Для достижения поставленной цели в настоящем исследовании решаются следующие **задачи**:

- *установление* социального (чиновного) статуса русских дипломатов, а также их дипломатического ранга,
- *определение* полномочий, которыми наделялись русские посланники, и статуса дипломатических миссий,
- *выявление* лексики, используемой в российском дискурсе для обозначения подарков, *установление* ее смыслового наполнения и связи с политическими целями российской власти,
- *определение* практического применения дарообмена в отношениях российской власти с центральноазиатскими кочевниками и *выявление* функций и роли дипломатического дарообмена,
- *реконструкцию* дипломатического церемониала, *установление* его вариаций и смысловой нагрузки.

Объект исследования – дипломатические практики, используемые Российским государством в отношениях с кочевыми народами севера Центральной Азии в XVII – начале XVIII в., в том числе элементы этих практик – посольства, дарообмен и дипломатический церемониал.

Предметом исследования являются роль, смысловое наполнение и процесс функционирования российских дипломатических практик (посольств, дарообмена, церемониала).

Территориальные рамки исследования – север Центральной Азии – определен местом расселения кочевых тюрко- и монголоязычных народов, с которыми российская власть на протяжении XVII – начала XVIII в. поддерживала активные дипломатические отношения. К этим народам относятся алтайские телеуты и орчаки, енисейские киргизы, хотогойты, халхасцы (халха-монголы), ойраты. Географически их место расселения находилось в пределах степных и горных пространств северо-восточной и западной Монголии, Алтае-Саянской горной системы (включая Алтай, Хакасию и Туву), Семиречья, Джунгарской равнины и Джунгарского Алатау, что соответствует северной части Центрально-Азиатского региона¹³.

¹³ Географический энциклопедический словарь: Географические названия / гл. ред. А. Ф. Трешников. М., 1989. С. 153, 429, 533; Чибилёв А. А. Степная Евразия: региональный обзор природного разнообразия. М.; Оренбург, 2016. С. 37–38, 204–208.

Отношения с казахами, обитавшими в Центральной Азии, остаются за рамками настоящего исследования, поскольку в течение XVII в. они были эпизодическими. Вне исследовательского ракурса остается также коммуникация с Кучумовичами – потомками сибирского хана Кучума, которые в рассматриваемое время не имели политической субъектности. Отношения российской власти с ними не носили системного и устойчивого характера и в целом выстраивались по тем нормам, которые сложились в ходе взаимодействия Российского государства с постордынскими образованиями.

Для раскрытия отдельных аспектов, имеющих отношение к дипломатическим практикам, в настоящей работе предпринимаются экскурсы в дипломатические отношения Российского государства с европейскими и азиатскими государствами.

Хронологические рамки исследования охватывают XVII – начало XVIII в. Нижняя граница определена началом XVII в. – временем, когда были последовательно установлены первые дипломатические контакты с тюрко- и монголоязычными кочевниками, обитавшими на севере Центральной Азии.

Верхняя граница определена началом XVIII в., что обусловлено рядом факторов. Во-первых, к началу XVIII в. кардинально поменялась военно-политическая обстановка в центрально-азиатском регионе: Хотогойтское ханство было разгромлено джунгарами и фактически перестало быть самостоятельным политическим образованием; экспансия маньчжурского Цинского Китая привела к установлению его контроля над значительной частью монгольских народов, которые потеряли суверенитет; тюркоязычные кочевники – енисейские киргизы и алтайские телеуты – были подчинены джунгарам. В результате в начале XVIII в. основными участниками международной коммуникации в Центральной Азии стали Россия, Цинский Китай и Джунгария, а спустя некоторое время к ним добавились еще и казахские жузы. Во-вторых, модернизация и вестернизация, начатые Петром I, привели к изменениям в организации дипломатической службы России, которая стала наполняться новыми смысловыми концептами.

Источниковая база исследования представлена комплексом письменных источников, подразделяющихся на документальные и нарративные (повествовательные). К документальным источникам относятся делопроизводственные, актовые, справочные, к нарративным – эпистолярные источники и документально-художественное произведение подъячего Посольского приказа Г. К. Котошихина.

Значительная часть источников опубликована в различных тематических сборниках, изданных в XIX – начале XXI в. Опубликованные источники дополнены документами, выявленными в Российском государственном архиве древних актов и Научно-историческом архиве Санкт-Петербургского Института истории РАН.

Делопроизводственные источники, используемые в работе, подразделяются на группы: нормативно-распорядительные (указы, боярские приговоры,

грамоты центральных органов управления; наказные памяти / указы русским дипломатам; наказные / указные памяти, памяти центральных органов власти; проезжие грамоты), отчетные (статейные списки, доезды, сказки и расспросные речи русских посланников; статейные списки переговоров сибирских воевод, приказчиков и уполномоченных лиц с посланниками от кочевых правителей; отписки (донесения) разрядных и уездных воевод; записи приемов посланников от кочевников российским монархом или в органах российской центральной власти), справочно-информационные (выписки / выписи в доклад, справки; записные книги), учетные (рописи, ценовые рописи «государева жалованья», окладные книги «жалованья», расходные книги, именные книги), просительные (челобитные сибирских служилых людей).

Актовые источники представлены жалованными грамотами, которые, помимо информации политико-правового характера о параметрах подданства и «службы» контрагентов российскому монарху, включают сведения об отдельных дипломатических практиках Российского государства, в частности о дарообмене.

Использовались в работе также и справочные источники – описи копийных книг Г. Ф. Миллера, которые играют вспомогательную роль и позволяют прежде всего восполнить недостающую информацию о дипломатических миссиях и прочих аспектах взаимодействия российской власти с кочевыми народами севера Центральной Азии в XVII в.

Из нарративных источников использовались эпистолярные источники – письма монгольских правителей и служителей буддийского культа, которые были адресованы российскому монарху. В работе были задействованы переводы данных писем, выполненные представителями российской власти в XVII в.

Кроме того, в настоящем исследовании использовано сочинение документально-художественного характера «О России в царствование Алексея Михайловича», написанное подьячим Посольского приказа Г. К. Котошихиным во время его нахождения в Швеции в 1666–1667 гг.

В своей совокупности обозначенные источники позволяют выявить роль, проследить функционирование российских дипломатических практик, установить их смысловое наполнение.

Методология и методы исследования. Исследование выполнено в рамках *новой дипломатической истории*, в центре внимания которой находятся дипломатические практики, символы, ритуалы, церемонии, механизмы вербальной и невербальной коммуникации, процессы выстраивания официальных и неофициальных связей, их смысловое наполнение и восприятие участниками дипломатических отношений, и т. д.

Методологическим основанием исследования являются теоретические положения о знаках, символах и семиосфере, сформулированные Ю. М. Лотманом. Согласно его концепции, семиосфера (семиотическое пространство) – это абстрактное пространство, включающее совокупность отдельных языков и разного уровня организации семиотических образований. Он же определил

культуру как «текст». Обозначенные теоретические положения Ю. М. Лотмана позволяют рассматривать в настоящем исследовании «посольский обычай» Российского государства XVII – начала XVIII вв. как семиосферу (семиотическое пространство), наполненную различными знаками – символами, атрибутами, ритуалами, которые, являясь по сути «текстом», несли в себе определенную смысловую нагрузку, закодированную и понятную современникам информацию. Эти знаки можно расшифровать и прочитать и, тем самым, интерпретировать.

В работе используются идеи исследователей в области анализа коммуникационных процессов (М. О. Гузикова, П. Ю. Фофанова, А. П. Садохин), позволяющие рассматривать дипломатические отношения с позиции межкультурной коммуникации – информационного обмена, в котором принимают участие представители разных культур, а также расширенно понимать коммуникационный процесс, который осуществлялся не только вербальными, но и прочими способами (невербальными, знаковыми).

В диссертации применяются выводы исследователей в сфере дипломатической коммуникации и дипломатического дискурса (Т. А. Волкова, Л. М. Терентий). Кроме того, при анализе дарообменных практик задействованы теоретические установки о сущности обмена подарками, выработанные французскими антропологами М. Моссом и П. Бурдьё. При анализе дипломатического церемониала применены теоретические положения потестарной имагологии, сформулированные М. А. Бойцовым.

В работе используются *общенаучные, общеисторические, специальные, междисциплинарные* методы. Из *общенаучных методов* применяются анализ, синтез, описание, индукция, обобщение, абстрагирование, из *общеисторических* – принцип историзма, из *специальных методов* – историко-типологический, историко-сравнительный, историко-системный, из *междисциплинарных методов* – лексико-семантический анализ, метод систематизации данных, статистический метод.

Научная новизна исследования заключается в комплексном рассмотрении дипломатических практик, используемых Российским государством в отношениях с кочевыми народами севера Центральной Азии в XVII – начале XVIII в., выявлении их смыслового наполнения. Впервые в исторической науке установлены социальный статус русских дипломатов, ездивших с поручениями в улусы номадов, обитавших на севере центральноазиатских степей, их дипломатический статус и полномочия, выявлены «уровни» дарообмена и зависимость в использовании дарообменной лексики от статуса участников процесса дарения, установлена роль дарообмена и его функции в отношениях России с кочевниками севера Центральной Азии, прослежено практическое применение ритуала обмена подарками, а также реконструирован дипломатический церемониал. Достигнутые результаты были получены с использованием современных теоретических и методологических подходов к дипломатическим отношениям.

Положения, выносимые на защиту:

1. Дипломатические миссии, которые по распоряжению представителей российской власти ездили с поручениями к кочевым народам севера Центральной Азии, комплектовались из числа местного сибирского населения. Выявлено, что при назначении руководящего состава посольств отдавалось предпочтение представителям служилых людей по отчеству (детям боярским) и командному составу приборных служилых людей. Наделение руководителей миссий дипломатическим рангом (посла, посланника) было ситуативным и позволяет утверждать, что российская власть не придавала этому параметру обязательного значения.

2. Дипломаты, которые направлялись в XVII – начале XVIII в. с поручениями к главам кочевников севера Центральной Азии, обладали реальными полномочиями, предоставленными им представителями российской власти (воеводами, приказчиками, великим и полномочным послом Ф. А. Головиным). Выявлены базовое (входившее в обязанность дипломатов всегда) и *вариативные* (возлагаемые на дипломатов время от времени) полномочия. *Базовым* являлось – ведение переговоров; *вариативными* – передача «государева жалованья», приведение к шерти (присяге), передача грамот и писем, заключение «договоров», и т. д. Набор и сочетание полномочий, а также комплекс вопросов, обсуждавшихся на переговорах, были обусловлены реалиями отношений сторон в каждый конкретный момент времени и в целом соответствовали статусу дипломатов.

3. Дипломатическая инициатива Российского государства в отношениях с кочевыми народами севера Центральной Азии в XVII – начале XVIII в. проявлялась на нескольких уровнях – «высоком» (центральными органами власти), «среднем» (воеводами, приказчиками, великим и полномочным послом Ф. А. Головиным) и «низшем» (самостоятельные поездки служилых людей). Дипломатические миссии, отправленные представителями первых двух уровней, являлись официальными, поскольку были санкционированы органами российской власти.

4. В результате анализа делопроизводственной документации была установлена зависимость лексики, используемой представителями российской власти для номинации подарков, циркулировавших в ходе дарообмена между русскими и кочевниками, от статуса дарителя и акцептора. Когда дарителем выступал российский монарх, для номинации исходящих от него подарков использовалась исключительно «жалованная» лексика («государево жалованье», «государева милость»), что было обусловлено наличием у него прав «жаловать» и «миловать» своих потенциальных подданных. Во всех остальных случаях, когда дарителями выступали представители российской власти (воеводы, приказчики, великий и полномочный посол Ф. А. Головин, русские дипломаты) или сами представители кочевников (правители, служители буддийского культа, дипломаты), выявлено отсутствие унификации лексики, используемой для номинации даров. Кочевые правители, согласно российскому политическому дискурсу, не обладали правом «жаловать» российского монарха или его пред-

ставителей, что выразилось в отсутствии «жалованной» лексики в делопроизводственной документации при номинации подарков, адресованных «великому государю».

5. Фиксация сведений о подарках в нормативно-распорядительной и отчетной документации, наличие распоряжений по конкретным вопросам, связанным с дарообменной практикой, свидетельствуют о том, что обмен подарками интересовал российскую власть как на местном, так и на центральном уровне. Россия, одаривая кочевников подарками, стремилась обеспечить лояльность кочевой элиты. Выявлено, что в дипломатических отношениях Российского государства с центральноазиатскими кочевниками дарообмен выполнял коммуникативную, репрезентативную, рекламную, символическую, смысловую, закрепляющую дозоровные отношения и утилитарную функции.

6. Русские посланники, ездившие в улусы кочевников, имели представление об основных компонентах дипломатического церемониала и протокола, что проявлялось в предъявляемых контрагентам требованиях соблюдать церемониал в его «русском» формате, т. е. в том варианте, который был принят в Российском государстве. Однако реалии отношений России с кочевниками севера Центральной Азии в XVII – начале XVIII в. обусловили ситуативное применение и соблюдение всех компонентов церемониала и протокола. Церемониал в его «русском» варианте был направлен на легитимацию власти «великого государя».

7. Церемониал приема дипломатических представителей от глав центральноазиатских номадов в сибирских городах был вариативен и использовался на усмотрение управленцев или уполномоченных на проведение переговоров лиц. Реалии отношений между Российским государством и кочевниками севера Центральной Азии, отсутствие рефлексии центральных органов власти обусловили ситуативное применение и соблюдение всех компонентов церемониала и протокола. Но в тех случаях, когда церемониал использовался, он был направлен на демонстрацию силы, мощи и высокого статуса российского монарха, а также должен был создать эффект присутствия государевой власти на окраинах государства. В Москве церемониал применялся всегда, но в упрощенном варианте, и был направлен на демонстрацию высокого статуса царя, его благосклонности к потенциальным подданным.

8. Российская власть в символической и понятной для себя форме демонстрировала низкий статус кочевых правителей севера Центральной Азии как контрагентов «великого государя», что выражалось в низком социальном статусе и неопределенном дипломатическом ранге русских дипломатов, применении дарообменных технологий, направленных на установление непаритетных отношений, использовании упрощенного варианта дипломатического церемониала. При этом, когда возникала необходимость, использовались отдельные нормы «посольского обычая», указывающие на оказание знаков почтения кочевникам как контрагентам русского царя, с целью демонстрации величия российского монарха и его благосклонности, создания благоприятной обстановки для последующих переговоров.

Теоретическая значимость исследования состоит в том, что на широком эмпирическом материале продемонстрировано применение Российским государством дипломатических методов и приемов при взаимодействии с кочевыми объединениями севера Центральной Азии на протяжении XVII – начала XVIII в.; установлена зависимость использования российских дипломатических практик от общего политического курса Российского государства в отношении центральноазиатских кочевников; выявлено смысловое наполнение дипломатических практик, применяемых российской властью в ходе коммуникативных процессов; продемонстрированы широкие возможности использования «новой дипломатической истории» при анализе взаимодействия российской власти с военно-политическими объединениями кочевников.

Практическая значимость исследования заключается в том, что полученные результаты могут быть применены в работах, посвященных взаимодействию российской власти с кочевыми народами, при анализе коммуникативных процессов, а также при рассмотрении дипломатического протокола Российского государства в XVII – начале XVIII в. Результаты исследования могут быть использованы при подготовке разделов учебных дисциплин по истории России и Сибири, российского дипломатического протокола, внешней политики Российского государства. Материалы диссертации могут быть полезными современным дипломатам, работающим в сфере дипломатической службы России, при выработке дипломатических стратегий взаимодействия с государствами Центральной Азии.

Достоверность результатов исследования определяется анализом значительного количества источников, имеющих прямое отношение к тематике диссертации, применением базовых, специальных методов исторического исследования и современных методологических подходов, а также сопоставлением достигнутых результатов с выводами исследователей, которые были получены ими при анализе смежных вопросов и аспектов дипломатических отношений, в том числе на иных территориальных и хронологических рамках.

Апробация результатов исследования. Результаты исследования представлены в 20 публикациях, из которых 15 – в сборниках материалов научных конференций, 1 – в сборнике научных статей, 4 – в научных журналах, включенных в перечень ВАК.

Заключительный этап работы над текстом диссертации осуществлялся в ходе исполнения государственного задания Минобрнауки в сфере научной деятельности по проекту № FSUS-2025-0009 «Особенности формирования межкультурных коммуникаций в Сибири – от эпохи камня до раннего Нового времени (по данным археологических и письменных источников)».

Рукопись диссертации обсуждалась на открытом семинаре кафедры отечественной истории Гуманитарного института Федерального государственного автономного учреждения высшего образования «Новосибирский национальный исследовательский государственный университет».

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Структура диссертации обусловлена поставленной целью и сформулированными задачами и состоит из введения, трех глав, заключения, списка источников и литературы, списка сокращений, приложения.

Во введении обоснована актуальность исследования, проведен анализ научно-исследовательской литературы, имеющей отношение к теме исследования, определена цель, сформулированы задачи, обозначены объект и предмет, территориальные и хронологические рамки, дана характеристика источниковой базы и теоретико-методологического основания исследования, даны определения базовым терминам и понятиям, которые применяются в работе, определена новизна исследования, выдвинуты положения, выносимые на защиту, обозначена научная значимость исследования, указана апробация.

Первая глава «Русские посольства к кочевникам севера Центральной Азии в XVII – начале XVIII в.» посвящена анализу русских дипломатических миссий, которые ездили по поручению российской власти в улусы номадов; в ней установлен социальный (чиновный) статус русских посланников, определен состав дипломатических миссий, проанализированы дипломатические ранги, полномочия и статус посольств.

В первом параграфе *«Социальные параметры посольств: чины руководителей и состав»* выявлено, что к лидерам тюркоязычных алтайских телеутов и орчаков, енисейских киргизов, а также монголоязычных ойратов, хотогойтов, халхасцев в XVII – начале XVIII в. было направлено не менее 267 русских посольств. Для 257 посольств удалось установить социальный статус лиц, их возглавлявших. Преимущественно во главе дипломатических миссий назначались лица из числа служилых людей по отечеству (дети боярские) (109 раз), а также приборных служилых людей из числа «начальных людей» (64 раза). Кроме того, руководителями назначались и рядовые казаки (44 раза). В порядке исключения к дипломатической деятельности представители власти привлекали лиц из местной администрации (2 раза), городских толмачей (6 раз), неслужилого местного коренного населения (6 раз), родственников служилых людей (неверстанных детей боярских) (3 раз), отставных служилых людей (1 раз).

Для удобства коммуникации и лучшего выстраивания диалога в посольства включался вспомогательный персонал из числа русскоязычного служилого населения и представителей Центральной Азии. Этот персонал выполнял функции толмачей (переводчиков устной речи), писарей, провожатых и охраны.

Задействование в посольской службе лиц из числа местных жителей региона, в том числе русских, говорит о прагматических соображениях российской дипломатии: посылка дипломатов из Москвы в Центрально-Азиатский регион была бы явно затратной. В семиотическом ключе назначение в качестве главы посольской миссии человека, не занимавшего высокое место в иерархии служилого общества, говорит о низком положении контрагентов российского монарха в его политической системе координат.

Во втором параграфе «Дипломатические ранги русских представителей» проанализированы дипломатические ранги русских дипломатов, ездивших с поручениями к кочевникам севера Центральной Азии, выявлены параметры их применения в делопроизводственной документации – самоидентификация и номинация представителями власти. При самоидентификации русские дипломаты в отчетной документации сами обозначали свой дипломатический ранг, а при номинации – ранг применялся к конкретному дипломату представителями российской власти.

В делопроизводственной документации использовались следующие лексемы, указывающие на дипломатические ранги русских дипломатов: «посол», «посланник», «посланец», «посланный». Ситуативно употреблялись слова и формы, прямо («в посольстве», «посольством») или косвенно («в провожатых», «в приставах») указывающие на дипломатическую деятельность русских представителей.

Установлено, что в документации, исходящей из органов центральной власти (Посольского, Казанского, Сибирского приказов) и местной власти (сибирских воевод, приказчиков) лексика, обозначающая дипломатический ранг русских дипломатов, использовалась неупорядоченно. Это позволяет утверждать, что представители российской власти в коммуникации с правителями кочевников севера Центральной Азии не придавали дипломатическому рангу большого значения. В свою очередь, данное обстоятельство указывает на низкий политический вес самих контрагентов и тех вопросов, которые необходимо было урегулировать в ходе дипломатических переговоров.

В третьем параграфе «Полномочия послов и статус дипломатических миссий» проанализированы полномочия русских дипломатов, которые ездили к кочевникам севера Центральной Азии. Дипломатическая деятельность русских посланников определялась наказными памятями и наказами, выданными представителями власти – сибирскими воеводами или приказчиками, а также особо уполномоченным лицом – великим и полномочным послом Ф. А. Головиным, посланным на переговоры с маньчжурами в Забайкалье.

Поездки представителей российской власти в улусы центральноазиатских кочевников являлись дипломатическими миссиями / посольствами. Главным критерием, по которому можно квалифицировать поездку русских представителей в улусы кочевников как посольство / дипломатическую миссию, является наличие у этих представителей полномочий проводить переговоры. Все русские посланники, независимо от того, кто их направил (центральные или местные власти), должны были решить какой-либо конкретный вопрос, что предполагало осуществление переговорного процесса.

Полномочия русских дипломатов можно разделить на базовое (проведение переговоров) и вариативные (раздача «государева жалованья», приведение к шерти, передача грамот и писем, заключение «договоров», взятие аманатов и ясака, сопровождение разысканных «государевых изменников»). Базовое полномочие присутствовало в деятельности дипломатов практически всегда.

Вариативными же полномочиями русские посланники наделялись от случая к случаю, что было обусловлено реалиями отношений российской и кочевой сторон в конкретный момент времени. Набор и сочетание полномочий зависели от цели дипломатической миссии, политических событий, происходивших в приграничном регионе.

Дипломатическая инициатива проявлялась на нескольких уровнях – «высоком» (центральными органами власти), «среднем» (воеводами, приказчиками, Ф. А. Головиным) и «низшем» (самостоятельные поездки служилых людей). Дипломатические миссии первых двух уровней являются официальными, поскольку были санкционированы представителями власти. Атрибутами, подтверждавшими официальный статус посольства, являлись любые документы, исходявшие от местной или центральной власти.

Вторая глава «Дипломатический дарообмен в отношениях Российского государства с центральноазиатскими кочевниками в XVII – начале XVIII в.» посвящена анализу дарообменных практик, используемых российской властью в коммуникации с кочевыми народами; в ней выявлена лексика, используемая в делопроизводственной документации для обозначения даров, проанализировано функционирование дарообмена, установлены его функции и роль.

В *первом параграфе «Номинация дипломатических даров: принципы и семантика»* установлена зависимость применения лексики для обозначения даров, циркулировавших в отношениях российской власти с кочевыми народами севера Центральной Азии, от статуса дарителя и акцептора. Если дарителем выступал российский монарх, то в дипломатическом дискурсе использовались лексемы, указывающие на «жалованный» характер подарков, – «государево жалованье» и «государева милость». Представители российской власти (служащие столичных приказов – Посольского, Сибирского, Казанского, а также местные власти – сибирские воеводы и приказчики) считали, что правами «жаловать» и «миловать» обладает только «великий государь». Подарки, адресованные российскому монарху, назывались представителями российской власти по-разному: «подарки», «дары», «поминки», «гостинцы», «дань». Эта же лексика (за исключением слова «дань») использовалась в дипломатическом дискурсе и фиксировалась в делопроизводственной документации в тех случаях, когда дарителями и акцепторами выступали представители российской власти (воеводы, приказчики, великий и полномочный посол Ф. А. Головин, русские посланники), а также кочевой властной элиты.

Подарки, которые были адресованы российскому монарху, в делопроизводственной документации фиксируются с челобитной формулой. Политические намерения Российского государства в отношении кочевых народов севера Центральной Азии, а также позиционирование «великого государя» как всемогущего и полновластного правителя привели к употреблению в делопроизводственной документации челобитья при поднесении даров от кочевников. Эта формула расставляла акценты между участниками диалога.

Во втором параграфе «Функционирование дарообмена в дипломатических отношениях» проанализировано практическое применение дарообмена. Фиксация сведений о подарках в нормативно-распорядительной и отчетной документации указывает на то, что дарообмен интересовал российскую власть как на местном, так и на центральном уровне. Сибирские воеводы и приказные дьяки Казанского, Сибирского и Посольского приказов обменивались информацией о доставленных кочевниками дарах. Привезенные подарки, предназначенные государю, не всегда доставлялись в Москву. Их могли продать, раздать, вернуть обратно в связи с плохим качеством. Только качественные подарки направлялись в столицу.

Ассортимент подарков от кочевников был разным, но в целом характерным для хозяйственного уклада номадов. Кочевники привозили: лошадей, предметы вооружения и конского снаряжения, ткани, элементы одежды, шкуры животных, предметы обихода, драгоценности, и т. д. С российской стороны в качестве подарков кочевники получали, как правило, предметы текстиля, одежду и ее элементы, кубки и братины, меха, предметы вооружения. Царское «жалованье» формировалось либо в Москве, либо в Сибири.

Стоимость даров была неравнозначной. По нашим подсчетам, стоимость подарков, привезенных из степи, была более чем в 2,5 раза дешевле стоимости «государева жалованья». Такая щедрость со стороны российской власти была направлена на формирование соответствующего образа «великого государя».

Российское государство стремилось реагировать (правда, не всегда) на поступающие из центральноазиатских степей «запросы» (просьбы прислать что-либо в качестве подарков), состав которых определялся желаниями кочевников. Практика «запросов» являлась одним из стимулов развития отношений между российской и кочевой сторонами. Кочевники тем самым восполняли недостатки экономики своего общества.

В третьем параграфе «Роль дарообмена» установлена роль дарообменных практик в развитии коммуникации российской власти с центральноазиатскими номадами. В функциональном плане одаривание подарками поддерживало коммуникацию между сторонами дипломатического диалога, репрезентировало власть российского монарха, выступало рекламой товаров. Дарообмен являлся ритуалом, состоящим из набора последовательных действий, где в качестве символа выступал сам подарок, который передавал конкретные смыслы в семиотическом пространстве дипломатической культуры. Обе стороны диалога своими подарками пытались донести конкретные «тексты», характерные для их культуры. При помощи подарков российская власть закрепляла достигнутые в ходе переговорного процесса договоренности. Подаренные предметы находили утилитарное применение.

В зависимости от ситуации и контекста дары приобретали форму «жалованья», подкупа, откупа и почетного дара. В этом проявлялась полисемантическая дарообменных практик.

Роль дарообмена заключалась в том, что российская власть, направляя «государево жалованье», стремилась обеспечить лояльность кочевой элиты, что должно было способствовать возникновению у кочевников желания (в момент одаривания или в обозримом будущем) перейти в подданство царю. Кочевники же, присылая свои подарки, ожидали, что представители российской власти одарят их чем-то большим.

Третья глава «Дипломатический церемониал в отношениях Российского государства с центральноазиатскими кочевниками» посвящена дипломатическому церемониалу и протоколу, используемым сторонами диалога во время приемов русских дипломатов в ставках кочевников, приемов делегаций, прибывших из центральноазиатских улусов, в сибирских городах и в Москве.

В *первом параграфе «Прием русских дипломатов в ставках кочевников»* реконструирован желаемый (для российской власти) формат церемониала приема русских посланников в улусах номадов, выявлены варианты этого церемониала, отклонения и нарушения. Посольства, которые ездили из сибирских городов в ставки кочевников, в целом пытались следовать правилам, принятым в российском «посольском обычае», и, соответственно, выстраивать церемониал приема по тому формату, который был приемлем для российской власти. Многочисленные факты нарушения кочевниками желаемого для русских церемониала, зафиксированные в делопроизводственной документации, свидетельствуют о том, что русские дипломаты, посланные в улусы центральноазиатских кочевников, знали основные принципы, правила и традиции «посольского обычая». Кочевники же время от времени то следовали «русским» правилам, то частично выполняли их, то вообще отказывались выстраивать аудиенцию по тем правилам, которые им навязывали дипломаты. В семиотическом пространстве «подчинение» контрагента в ходе церемониала русской стороне означала снижение его статуса.

Нами установлено, что формальные аспекты церемониала и протокола не были приоритетными во взаимоотношениях Российского государства с кочевыми народами севера Центральной Азии. Это проявлялось в отсутствии со стороны представителей центральной и местной российской власти рефлексии и четких указаний, требующих точного соблюдения церемониала контрагентами.

Во *втором параграфе «Прием посольств от кочевников в сибирских городах»* выявлено, что церемониал приема делегаций в сибирских городах выстраивался по подобию того, что применялся в Москве, но только в упрощенном виде. Он был направлен на то, чтобы визуально продемонстрировать силу и мощь российского монарха, создать эффект присутствия государственной власти на местах. Мобилизация служилых, посадских и прочих людей, находившихся в городе в момент приезда посольств, раздача им оружия должны были создать массовость и парадность мероприятия, а также продемонстрировать мощь Российского государства и его государя, сопротивлению которому бессмысленно. Кроме того, церемониал демонстрировал, что российская сто-

рона оказывает знаки почтения контрагенту, приславшему посольство, что должно было положительно сказаться на переговорном процессе.

При этом дипломатический церемониал не всегда применялся управленцами и уполномоченными на переговоры лицами во всей его полноте. Отчетная делопроизводственная документация нередко умалчивает факты использования церемониала во время приезда дипломатов от лидеров кочевых объединений севера Центральной Азии. Это указывает на то, что представители российской власти на местах действовали на свое усмотрения, сообразно ситуации. Факты отсутствия четких указаний из центральных органов власти, касающихся организации дипломатического церемониала в сибирских городах, свидетельствует о том, что российская власть не придавала этому аспекту принципиального значения.

В *третьем параграфе «Прием посольств от кочевников в Москве»* установлено, что организация приема дипломатов в Москве была направлена на демонстрацию мощи Русского православного царства, высокого статуса «великого государя», репрезентацию его власти, благосклонности. Церемониал определял место кочевых правителей в политической иерархии контрагентов русского царя. Отдельные элементы дипломатического церемониала и протокола указывали на почтительное отношение к прибывшей делегации.

Церемониал позволял ранжировать центральноазиатских кочевников, выделяя из них тех, кому оказывался более почетный прием (хотогойты), и тех, кому, наоборот, оказывали меньше «честь» (калмыки).

В первой четверти XVIII в. церемониал претерпел кардинальные изменения: в него были привнесены европейские концепты и практики, что было обусловлено начатыми Петром I процессами модернизации и вестернизации русской политической культуры.

В ходе церемониальных, ритуальных и протокольных действий происходила трансляция русских политико-правовых концептов и идеологием, обосновывающих высокий статус российского монарха, легитимация власти «великого государя».

В заключении подведены результаты исследования.

Дипломатические практики, используемые Российским государством в отношениях с лидерами объединений кочевников севера Центральной Азии в XVII – начале XVIII в., играли роль каналов, передающих определенную информацию, выполняли репрезентативные функции, легитимировали власть царя, транслировали кочевникам нормы российской политической культуры:

- дипломатические миссии, ездившие в ставки кочевников, обеспечивали вербальную коммуникацию, с помощью которой осуществлялся диалог между сторонами, а дипломаты в символической форме представляли власть российского монарха;

- дипломатический дарообмен, осуществлявшийся между русскими и кочевниками, в материально-символической форме обеспечивал поддержание коммуникации, ускорял ее (а порой и тормозил);

– церемониал визуальным образом транслировал кочевникам смыслы и образы российской монархии, закодированные в нем.

Российская дипломатия в символической и понятной для себя форме демонстрировала низкий статус кочевников как контрагентов царя среди всех остальных монархов. Это проявлялось в низком социальном (чиновном) статусе русских дипломатов, отсутствии четко определенного дипломатического ранга, применении «жалованной» и «челобитной» лексики при номинации даров, исходящих от российского монарха, упрощении церемониала и протокольных практик.

Специфика дипломатических практик заключалась в том, что они были схожи с теми практиками, которые использовались российской властью во «внутренней дипломатии», осуществляемой с подвластными народами. Это указывает на восприятие правителей кочевников северной части Центральной Азии российским монархом скорее «своими». Но в то же время рассмотренные нами российские дипломатические практики «тяготели» и к «настоящей дипломатии», реализуемой в коммуникации с «настоящими» правителями, в число которых входили европейские и некоторые азиатские монархи, что указывает на восприятие правителей центральноазиатских кочевников «внешними» контрагентами.

Российская дипломатия в общении с номадами севера Центральной Азии в XVII – начале XVIII в. стремилась проявлять гибкость и прагматичность, отодвигая на второй план соблюдение всех формальностей. Такой подход, с одной стороны, свидетельствует о приоритетности практических соображений, а с другой – указывает на то, что кочевые правители не занимали высокое место в политической иерархии контрагентов «великого государя».

В **Приложении** на основе опубликованных и архивных источников, а также сведений, полученных из научно-исследовательской литературы, приведен реестр русских дипломатических миссий, которые ездили к кочевым народам севера Центральной Азии в XVII – начале XVIII в.

РАБОТЫ, ОПУБЛИКОВАННЫЕ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ

Статьи в журналах, включенных в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата и доктора наук

1. Зуев А. С., Попов Д. К. Чиновный статус русских дипломатов в посольских отношениях Русского государства с азиатскими кочевниками в XVII веке // Oriental Studies. 2022. Т. 15, № 4. С. 649–662. (0,5 п. л. / 0,8 п. л.)
2. Попов Д. К. Полномочия русских дипломатов в отношениях Российского государства с кочевниками севера Центральной Азии в XVII – начале XVIII в. // Вестник БНЦ СО РАН. 2025. № 4 (60). С. 30–35. (0,5 п. л.)
3. Попов Д. К. «Договоры» в дипломатических отношениях Российского государства с кочевниками севера Центральной Азии в XVII – начале XVIII века // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2026. Т. 25, № 1. С. 60–71. (1,1 п. л.)
4. Попов Д. К. Церемониал приема халхаских и джунгарских посланников в Иркутске в конце XVII века // Исторический курьер. 2026. № 1 (45). С. 209–220. URL: <http://istkurier.ru/data/2026/ISTKURIER-2026-1-17.pdf>. (1,1 п. л.)

Статьи в прочих научных изданиях

5. Попов Д. К. Состав русских посольств к кочевникам Центральной Азии в первой половине XVII века // История: Материалы 56-й Международной научной студенческой конференции. 22–27 апреля 2018 г. / Новосиб. гос. ун-т. Новосибирск: ИПЦ НГУ, 2018. С. 73–74.
6. Попов Д. К. О различиях между европейско-крымской и центрально-азиатской дипломатических практик Московского государства в XVII в. // Актуальные вопросы региональных международных исследований: Материалы V рег. студ. научно-практической конф. на ин. языках с международным участием (22 ноября 2018 г.). Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2018. С. 64–71.
7. Попов Д. К. Характер дипломатического дарообмена в отношениях Московского государства с кочевниками Центральной Азии в XVII веке // Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2019» / Отв. ред. И.А. Алешковский, А.В. Андриянов, Е.А. Антипов. [Электронный ресурс]. М.: МАКС Пресс, 2019. Режим доступа: https://lomonosov-msu.ru/Lomonosov_2019/data/15776/88992_uid32105_report.pdf
8. Попов Д. К. «Государево жалованье» в дипломатических отношениях Московского государства с кочевниками Центральной Азии в XVII веке // История: Материалы 57-й Международной научной студенческой конференции. 14–19 апреля 2019 г. / Новосиб. гос. ун-т. Новосибирск: ИПЦ НГУ, 2019. С. 48–49.

9. Попов Д. К. Межкультурные барьеры в дипломатических отношениях Московского государства с центрально-азиатскими кочевниками в XVII в. // Межкультурная коммуникация: Запад–Россия–Восток. Материалы Международной студенческой научно-практической конференции / под ред. Е.Е. Тихомировой. Новосибирск: НГПУ. С. 40–43.

10. Попов Д. К. Статус русских дипломатических миссий к кочевникам Центральной Азии в XVII в. // Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых ученых: сборник материалов Международной научной школы-конференции. Новосибирск: ИПЦ НГУ, 2019. С. 301–308.

11. Попов Д. К. Визуальные методы презентации образа Московского государства в дипломатических отношениях с кочевниками Центральной Азии в XVII в. // История: Материалы 58-й Международной научной студенческой конференции. 10–13 апреля 2020 г. / Новосиб. гос. ун-т. Новосибирск: ИПЦ НГУ, 2020. С. 62–63.

12. Попов Д. К. Декларация «государевой милости» в дипломатии Московского государства с центрально-азиатскими кочевниками в XVII в. // Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых ученых: сборник материалов Международной молодежной научной школы-конференции. Новосибирск: ИПЦ НГУ, 2020. С. 378–385.

13. Попов Д. К. Демонстрация силы как способ репрезентации власти русского царя в отношениях с центрально-азиатскими кочевниками в XVII веке // Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2021» / Отв. ред. И.А. Алешковский, А.В. Андриянов, Е.А. Антипов, Е.И. Зиматова [Электронный ресурс]. М.: МАКС Пресс, 2021. Режим доступа: https://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2021/data/22296/132007_uid325105_report.pdf

14. Попов Д. К. Дискурсивные практики Российского государства в дипломатических отношениях с центрально-азиатскими кочевниками в XVII в. // История. История и теория искусств: Материалы 59-й Международной научной студенческой конференции. 12–23 апреля 2021 г. / Новосиб. гос. ун-т. Новосибирск: ИПЦ НГУ, 2021. С. 47–48.

15. Зуев А. С., Попов Д. К. Попытки подчинения Русским государством центрально-азиатских кочевников в XVII веке: аргументы русской дипломатии // Российская история. 2021. № 6. С. 79–89. (0,4 п. л. / 0,5 п. л.)

16. Попов Д. К. Идентификация глав русских посольств на переговорах с кочевниками севера Центральной Азии в XVII в. // Мир Центральной Азии-V. Сборник научных статей. Новосибирск, 2022. С. 691–693.

17. Зуев А. С., Попов Д. К. Церемониал приема русских посланников в ставках монголоязычных кочевников Центральной Азии в XVII в. // «Феномен верховной власти и процесс формирования имперского государства неисчерпаемы для исследования»: сборник памяти В. В. Трепавлова. М., 2024. С. 400–418. (0,6 п. л. / 0,8 п. л.)

18. *Попов Д. К.* Толмачи в русских посольствах к монгольским и тюркским кочевникам севера Центральной Азии в XVII – начале XVIII в. // Переводчики и переводы в России до начала XVIII столетия. Материалы 13 Международной научной конференции. Москва, 2025. С. 212–221.

19. *Попов Д. К.* Русские дипломатические миссии к тюркоязычным кочевникам севера Центральной Азии в XVII – начале XVIII в.: общая характеристика посольских практик // Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых ученых: сборник научных трудов конференции от 17–20 сентября 2025 г. Новосибирск, 2025. С. 131–142.

20. *Попов Д. К.* Формы коммуникации Российского государства с кочевниками севера Центральной Азии в XVII – начале XVIII в. // Коммуникативная культура: история и современность: материалы XV Всерос. науч.-практ. конференции с международным участием. 31 октября 2025 г. Новосибирск, 2025. С. 31–35.